

A close-up, profile view of a man and a woman looking at each other in a city street. The woman on the left has long, wavy brown hair and is wearing a bright yellow winter coat with a fur collar. The man on the right has dark hair and a beard, wearing a dark grey winter coat. The background is blurred, showing city lights and other people.

Марина Фёдорова

Раздел 7

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марина Фёдорова

Раздел 7

«Автор»

2026

Фёдорова М.

Раздел 7 / М. Фёдорова — «Автор», 2026

Алиса Ветрова ненавидит Дамира Корсакова с первой секунды знакомства. Он холоден, циничен и привык покупать всё, включая людей. Но чтобы спасти компанию отца, ей придется подписать бумаги и стать его женой. Дамир Корсаков привык просчитывать риски. Брак по расчету — это просто сделка. Но Алиса оказывается не просто «инвестицией». Она умна, дерзка и чертовски опасна для его самообладания. Условия контракта жесткие. Но что, если настоящая игра начинается за рамками документа? Что, если единственный пункт, который они не могут выполнить, — это остаться равнодушными друг к другу?

Содержание

Глава 1. Алиса	5
Глава 2. Дамир	11
Глава 3. Алиса	16
Глава 4. Дамир	24
Глава 5. Алиса	29
Г	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марина Фёдорова

Раздел 7

Глава 1. Алиса

Телефон завибрировал на мраморной столешнице. И очень не вовремя. Ровно в тот момент, когда я пыталась понять, какого чёрта мой новый ассистент плеснул в кофе вместо миндального сиропа.

Фундук.

Я поморщилась. Сделала ещё глоток — просто чтобы убедиться. И поморщилась снова. Определённо фундук.

Идиот.

— Ты где? — голос матери ворвался в утреннюю тишину пентхауса без предупреждения. Впрочем, как и всегда.

— И тебе доброго утра, — я отставила чашку. — Я на кухне, если так интересно. Пью отвратительный кофе и собираюсь на встречу. На которую меня даже не удосужились пригласить лично.

— Не язви. Отец ждёт тебя к десяти.

— Ммм. Вчера было к одиннадцати.

Я встала из-за стойки и направилась в гардеробную. Босые ступни бесшумно ступали по нагретому полу. В спальне работал климат-контроль, но утреннее солнце уже проникало сквозь панорамное остекление, оставляя на полу тёплые островки света.

— Боится, что я буду выглядеть лучше него?

— Алиса.

— Что «Алиса»? — я вошла в гардеробную и щёлкнула выключателем. Мягкий свет залил ряды вешалок. — Я уже большая девочка, мама. Мне двадцать пять. И в этом возрасте некоторые уже управляют корпорациями, а не утренние нотации от родителей выслушивают.

В трубке повисла пауза.

Я представила, как она сейчас стоит у окна в своей гостиной. Идеально уложенные волосы. Шёлковый халат. Чашка зелёного чая в тонкой фарфоровой чашке.

Она всегда умела держать лицо. Даже когда внутри всё кипело.

— Ты лишь играешь в бизнес, дорогая, — наконец произнесла она тем ровным тоном, который я ненавидела больше всего на свете. — А могла бы уже давно...

— Играю?

Я замерла посреди гардеробной. Три зеркала — в полный рост — отразили меня с трёх сторон. Распущенные тёмные волосы. Острый подбородок. Глаза, которые отец называл «волчьими» — слишком светлые для смуглого лица, слишком цепкие.

— А ничего, что я привела отдел маркетинга к росту на сорок процентов? За полгода. Я закрыла сделку с японцами, которую отец считал провальной. Я...

— Ты работаешь на своего отца, Алиса. Это не бизнес. Это дочкины забавы.

Я выдохнула. Глубоко. Медленно.

Раз. Два. Три...

К чёрту. Всё равно не поможет.

— У тебя всё? Мне нужно собираться к своему «игровому» совещанию.

— Выбери что-нибудь приличное. Не как в прошлый раз.

— Вообще-то в прошлый раз на мне была юбка до колен.

— Она была красной, Алиса. Красный — это вызов.

— Это цвет силы, мама.

Я провела рукой по ряду вешалок. Шёлк, шерсть, хлопок — всё по ранжиру, цветам и сезонам. Идеально.

— Ладно, я перезвоню.

— Не надо. Просто не опоздай.

Отключилась. Первой.

Ну конечно.

Я швырнула телефон на пуфик. И невольно взглянула на своё отражение. Три Алисы смотрело на меня в ответ. Я не классическая красавица. Но умею пользоваться тем, что дала природа. И особенно — головой.

Жаль только, родители этого не замечали.

Дочкины забавы...

Чёрт бы побрал эту женщину.

Так.

Я тряхнула головой, отгоняя лишние мысли и шагнула к вешалкам.

Так-так-так... Что бы такое... О.

Я достала тёмно-синий брючный костюм. Достаточно строгий, чтобы не провоцировать мать, и при этом с достаточно глубоким вырезом, чтобы напоминать себе, что я не только менеджер, но вообще-то и женщина.

Ткань блузки скользнула по плечам — прохладная, почти невесомая. И брюки сели идеально.

Хорошо.

Теперь туфли.

Ну, тут выбор очевиден.

Высокая шпилька — моя слабость и моё оружие. Когда ты выше ростом, с тобой сложнее спорить. Я усвоила это ещё в университете.

Финальный взгляд в зеркало.

Отлично.

Теперь можно и «поиграть».

Водитель ждал у подъезда ровно в девять тридцать. Я люблю пунктуальность. Это единственный способ контролировать окружающий хаос. Особенно в условиях, когда твой отец владеет одной из крупнейших девелоперских компаний в стране, но до сих пор не воспринимает тебя всерьёз.

— Доброе утро, Алиса Сергеевна, — кивнул Кирилл, открывая дверь черного «Мерседеса».

— Доброе. Старший поступил?

— Да, спасибо.

— Поздравляю. Если нужна будет практика — пусть обращается.

Он благодарно улыбнулся в зеркало заднего вида.

Я знала имена всех водителей. Всех помощников. Всех секретарш в нашем офисе. Это не показушная демократия. Нет. Просто люди, которые работают на тебя, должны чувствовать, что их замечают. Странно, что отец, при всем своем управленческом опыте, этого так и не понял.

Машина тронулась плавно, почти бесшумно. Город за окном уже кипел. Москва никогда не спит, Москва всегда спешит, Москва давит на психику своими стеклянными высотками и бесконечными рекламными щитами.

Я смотрела сквозь тонированное стекло и пыталась угадать, зачем отцу понадобилась эта встреча. Обычно мы обсуждали дела по скайпу или в неформальной обстановке. Личный вызов в офис означал что-то серьёзное.

Слияние с «Восточными ресурсами».

Эта новость гуляла по рынку уже больше месяца, но отец лишь отмахивался. «Слухи», — говорил он. «Конкуренты разгоняют панику». Но если совет директоров уже продавил это решение?..

— Чёрт, — выдохнула я.

Вспомнился недельный разговор с финансовым директором. Он намекал на проблемы с ликвидностью. Намекал, что без серьёзного партнёра мы можем не вытянуть следующие два проекта. Я тогда не придавала значения — думала, преувеличивает. В преддверии годового отчёта все становятся параноиками.

— Чёрт...

Офис «Ветров-Девелопмент» занимал три верхних этажа в башне «Меркурий». Я любила это место. Отсюда открывался вид на всю Москву, и в ясную погоду казалось, что ты паришь над городом. Как хищная птица.

— Алиса Сергеевна!

Наташа, секретарша, подскочила с места, едва я вышла из лифта. Щёки покраснелись, глаза бегают. Нервничает.

— Вас ждут.

— Кофе? — спросила я, протягивая ей пальто.

— Вам в кабинет?

— Нет, — я поправила пиджак, бросив короткий взгляд в сторону приёмной отца. — У отца какой кофе? Американо? Эспрессо?

— Эспрессо.

— Значит, мне американо. Двойной. И с нормальным сиропом. Не как у того идиота, которого ты мне подобрала.

Наташа виновато улыбнулась. Я вздохнула.

Вообще, по натуре я не злая. Просто некомпетентность окружающих бывает слишком утомительной. Особенно когда твоя фамилия Ветрова и любая ошибка персонала становится твоей ошибкой. В глазах таких людей, как моя мать.

Я двинулась по коридору.

Кабинет отца находился в торце. Массивная дубовая дверь, табличка с именем и фамилией, которую я помнила ещё с детства. Когда-то я приходила сюда после школы и ждала, пока папа закончит работу. Сидела на том самом диванчике в приёмной, болтала ногами и рисовала в блокноте. Тогда он улыбался, когда видел меня.

Давно это было.

Я вошла без стука. Мы так договорились. Я — единственный человек в компании, кто может себе это позволить.

— Привет, пап.

И замерла.

Отец как обычно сидел в своём кресле. Но вид у него был... странный. Будто он ждал приговора врача. Рядом, в кресле для посетителей, расположился мужчина, которого я раньше никогда не встречала. Лет шестидесяти. Тяжёлый взгляд, квадратная челюсть.

Один из тех, кого положено бояться.

— Алиса, — отец встал. Встал.

Это был плохой знак. Он никогда не вставал при таких встречах.

— Проходи. Садись.

— Я, наверно, не вовремя? — я перевела взгляд с отца на незнакомца. — У тебя встреча.
— Нет, вовремя. Знакомься, это Игнатий Корсаков.

Корсаков.

Фамилия щёлкнула в голове, как затвор пистолета. «Восточные ресурсы». Нефть, газ, металлургия. А ещё — политические связи. Такого уровня, что о них не пишут в газетах.

— Алиса Ветрова, — я шагнула вперёд и протянула руку. — Наслышана.

Корсаков-старший пожал мою ладонь. Рукопожатие было сухим и крепким. Но в глазах мелькнуло что-то похожее на оценку.

Меня оценивали. Как товар.

— Наслышан, — его голос оказался низким, с хрипотцой. — Много хорошего, между прочим.

— Правда? — я усмехнулась и села в кресло рядом, не дожидаясь приглашения. — Обычно обо мне говорят или «стерва», или «папина дочка». А что слышали вы?

— Алиса! — отец нахмурился.

— Что? — я пожалала плечами. — В честности — сила. Особенно когда речь идёт о слиянии. Да, пап? Я права?

Тишина.

Отец переглянулся с Корсаковым. Акула переглянулась с касаткой.

— Не совсем, — наконец произнёс отец. — Мы говорим... о чём-то большем, чем слияние, дочка.

Я замерла. Внутри что-то сжалось. Предчувствие. Очень поганое предчувствие.

— Не томи. У меня через час встреча с подрядчиками.

— Отмени.

— Что?

— Отмени, — он сел в кресло и сложил руки на столе. — То, что мы собираемся обсудить, важнее любого подрядчика.

Я посмотрела на Корсакова. Он молчал. Но в уголках его губ пряталась усмешка. Ему нравилось происходящее. Ему нравилось смотреть, как отец готовит почву для удара.

— Ладно, — я достала телефон и быстро набрала сообщение ассистенту. — Вся во внимании.

— Игнатий и я давно ведём переговоры, — начал отец. — Рынок сейчас сложный. Кризис. Общая нестабильность. Мы оба понимаем, что поодиночке нам будет трудно удержать позиции.

— Поэтому слияние? — уточнила я.

— Поэтому партнёрство. Более тесное, чем слияние.

Пауза.

— Мы хотим объединить не только компании, Алиса. Мы хотим... объединить семьи.

Я моргнула.

— В смысле? — взгляд заметался между отцом и Корсаковым. — Вы о чём?

— У Игнатия есть сын. Дамир. Тридцать два года, блестящее образование. Управляет всеми операциями «Восточных ресурсов» последние пять лет, — отец говорил так, будто зачитывал биржевой отчёт. — Мы хотим... чтобы вы поженились.

Я рассмеялась.

Честное слово, не планировала. Это получилось само собой. Нервно. Громко. Немного истерично.

— Вы шутите?

Я посмотрела на отца. Улыбка всё ещё держалась на губах, но внутри уже поднималась холодная волна.

— Пап. Ты в курсе, какой сейчас год? Люди уже лет двести не продают детей за долю в бизнесе.

— Алиса...

— Нет, правда, отличная шутка. Я оценила, — я вытерла выступившие слезы. — Теперь давайте серьёзно. Что вы задумали?

Корсаков-старший кашлянул.

— Ваш отец говорит серьёзно, Алиса. Мы предлагаем союз, который устроит и вас, и нас. Вы получите контроль над объединённой компанией сразу после свадьбы. Ваш отец — гарантии стабильности. А мой сын...

— Что? — перебила я уже без улыбки. — Жену, которая его терпеть не может? Или вы думаете, что я буду хорошей девочкой и рожу вам наследников, пока вы перекраиваете тут рынок?

— Алиса Сергеевна.

Голос Корсакова стал жёстче. Он подался вперёд, и в его глазах мелькнуло что-то опасное. Сталь под слоем дорогого костюма и хороших манер.

— Я понимаю, что для вас это неожиданно. Но давайте не будем играть в наивность. Вы взрослая женщина и понимаете, как устроен большой бизнес.

— Большой бизнес не включает в себя торговлю людьми, — отрезала я.

И повернулась к отцу.

— Пап, ну скажи ему. Ну это ж бред.

Отец молчал.

Смотрел в стол и молчал.

И тут до меня дошло.

— Ты... уже согласился, да?

Мой голос стал тихим. Почти шёпот.

— Ты уже всё решил, да? И эта встреча — не для обсуждения. Это просто... информирование. Да?

— Алиса.

Отец поднял глаза. В них было что-то, чего я никогда раньше не видела. Усталость? Страх? Или и то, и другое?

— У нас нет выбора. Сами мы не выживем. Банки не дают кредиты. Партнёры уходят. Конкуренты жрут друг друга, и до нас скоро тоже доберутся. Это единственный способ сохранить компанию. Сохранить всё, что я строил тридцать лет.

— А я?

Мой голос дрогнул. Я сжала кулаки на коленях — так, что ногти впились в ладони.

— Я... просто приложение к компании, да? Бонус в сделке?

— Ты будешь владеть половиной всего, — быстро вставил Корсаков. — Ты и мой сын. Вы будете управлять империей, о которой большинство может только мечтать.

— Я уже управляю.

Я встала.

— Спасибо за предложение. Но я пас. Найдите другую дуру для ваших средневековых игр.

— Алиса, сядь.

Голос отца стал стальным. Тем самым, которым он разносил нерадивых подчинённых.

— Мы не закончили.

Но я не просто подчинённая.

— Я закончила.

И направилась к двери. Адреналин стучал в висках. Руки дрожали. Но я шла ровно — спина прямая, подбородок вздёрнут. Никто не заметит. Никто.

— Ты хоть понимаешь, что нас тогда ждёт?!

Отец почти прорычал мне в спину. Я никогда не слышала, чтобы он так кричал. Никогда.

— Банкротство! Мы всё потеряем! Дом, компанию, твою квартиру — всё!

Я остановилась у двери. Не оборачиваясь.

— Я что-нибудь придумаю.

— Не придумай. Я два года пытался. Не с нашими ресурсами, Алиса. Игнатий — один из немногих, у кого есть живые деньги и политическое плечо.

Я закрыла глаза.

В груди снова начал разгораться пожар. Обида. Злость. Отчаяние. Всё смешалось в один ядовитый коктейль.

— И поэтому я должна выйти замуж за чужого мне человека? — спросила я, глядя на дверную ручку. — За человека, которого даже не видела?

— Увидишь, — голос Корсакова был спокойным, почти скучающим. — Он уже здесь.

Ручка дернулась. И дверь открылась.

Я сделала шаг назад — рефлексивно, — чтобы не столкнуться с вошедшим. И подняла глаза.

Высокий. Выше меня даже на каблуках. Чёрные волосы, зелёные глаза, резкие скулы. О линию челюсти можно было ножи точить. Идеально сидящий костюм, часы на запястье, которые стоят как моя машина.

И взгляд.

Такой взгляд, будто он уже всё про меня понял, всё просчитал и вынес вердикт.

Дамир Корсаков собственной персоной.

Глава 2. Дамир

Я стоял в коридоре и слушал, как она орёт на отца.

Звукоизоляция в «Ветров-Девелопмент» — полное дерьмо. Ещё один штрих к портрету этой недокомпании, которая, судя по всему, скоро будет побираться на паперти. Всем штатом.

Сквозь дубовую дверь прорывались обрывки: «торговля людьми», «средневековые игры», «найдите другую дуру». Голос звонкий, поставленный. Похоже, привыкла быть в центре внимания.

Я прислонился плечом к стене и достал телефон. Бессмысленно скользнул пальцем по экрану — почта, календарь, ещё почта. Ничего важного. Просто тянул время.

Внутри — пусто. Ни волнения, ни любопытства, ни раздражения. Только холодный расчёт и лёгкая скука от того, что всё идёт ровно по сценарию. Тому, что я написал в голове ещё месяц назад, когда отец только заикнулся об этом браке.

Алиса Ветрова.

Двадцать пять лет. Единственная дочь Сергея Ветрова. МГИМО, год в Лондонской школе экономики. В компании с двадцати двух: ассистент, руководитель отдела маркетинга, член совета директоров с правом голоса. Но без реальных рычагов. Не замужем. Серьёзных отношений не замечено. Характер — стервозный, независимый, конфликтный. Любит провоцировать. Не терпит давления.

Умна.

И это может стать проблемой.

Я прочитал досье трижды. Изучил каждую фотографию. Каждое интервью. Каждый пост в её соцсетях, которые она даже не удосужилась закрыть. Знал, что у неё аллергия на клубнику. Что она ходит к одному мастеру маникюра уже три года. Что у неё родинка на левом плече — в форме полумесяца.

Знал. И ничего не чувствовал.

Чувства — роскошь. Причём в моём мире — непозволительная роскошь. Они делают уязвимее. Заставляют совершать ошибки.

А я не ошибаюсь. Никогда.

— ...И поэтому я должна выйти замуж за чужого человека?

Её голос за дверью стал тише. Но в этой тишине чувствовалась такая ярость, что даже мне стало интересно. Сжимает кулаки? Кусает губы? Смотрит в одну точку, пытаюсь не разреваться?

Я представил её лицо, исходя из просмотренных ранее фотографий. Острые скулы. Светлые глаза. Тёмные волосы, собранные в строгий пучок — но несколько прядей всегда выбиваются, создавая лёгкий хаос. И на всех снимках у неё один и тот же взгляд — взгляд человека, готового к атаке.

Интересно, как долго она продержится, прежде чем поймёт, что я не тот противник, с которым стоит бодаться?

— Увидишь, — ответил отец. — Он уже здесь.

Я убрал телефон в карман, выпрямился и взялся за ручку двери. Секунда — и я внутри.

Она отшатнулась.

Буквально сделала шаг назад, столкнувшись со мной взглядом. И в этом коротком движении я успел прочитать всё: удивление, злость, и — совсем чуть-чуть — что-то похожее на растерянность. Не ожидала, что я стоял под дверью. Не ожидала, что я услышу её вспышку.

Я вошёл, закрыв за собой дверь. Короткий взгляд в сторону других участников. Отец сидел в кресле для посетителей с каменным лицом. Ветров-старший — за своим столом, сжав руки так, что побелели костяшки.

Классика.

Два старых волка, что загнали себя в угол и теперь тянут последнюю карту.

Алиса все еще стояла у двери, преграждая мне путь. Пришлось уделить внимание и ей. Но стоило перевести взгляд и рассмотреть её получше, как тут случилось то, чего я совершенно не ожидал.

Вблизи она оказалась... другой. Не той картинкой из досье. Живой. Злой. Красивой той редкой красотой, которая не нуждается в фильтрах и фотопшопе. Волосы рассыпались по плечам, глаза горели, а губы — плотно сжаты, но я видел, как дрожит нижняя. На ней был строгий костюм, который сидел просто идеально, но вырез... чуть глубже, чем положено по дресс-коду — и это почему-то особенно резануло по нервам.

Она смотрела на меня в упор, и в этом взгляде не было ни капли женского интереса. Только ненависть. Чистая, концентрированная ненависть к тому, кто так нагло посмел вторгнуться в ее жизнь.

И это... зацепило.

Черт.

Я отвел взгляд первым. Не потому, что проиграл в этой дуэли, а потому что нужно было брать контроль в свои руки. Сейчас. Немедленно.

— Дамир, — кивнул отец, нарушая затянувшуюся паузу. — Ты как раз вовремя.

— Слышал, — я прошел мимо Алисы, намеренно задев ее плечом — легкое, едва заметное касание, от которого она дернулась, как от удара током. — Весь коридор слышал.

Я сел в кресло рядом с отцом, развалившись так, будто это мой кабинет. Ногу на ногу, руки на подлокотниках, взгляд — в пустоту перед собой. Полное, абсолютное безразличие ко всему, что здесь происходит.

— Дамир... — начал Ветров, но я перебил:

— Я все знаю, Сергей Иванович. Условия приняты. Доля двадцать пять на двадцать пять, управление объединенной компанией переходит к нам после регистрации брака, вы оба остаетесь в совете директоров с правом совещательного голоса. Мои юристы уже готовят документы.

Тишина.

Я поднял глаза и посмотрел прямо на Алису, которая так и стояла у двери, не в силах сдвинуться с места.

— Ты чего застыла? — спросил я ровно. — Садись. Или ты предпочитаешь вести переговоры стоя?

— Переговоры... — ее голос сорвался на смешок. — Ты ворвался сюда, как к себе домой, даже не поздоровался. И говоришь ещё о каких-то документах...

— Я поздоровался, — перебил я. — Кивнул. Просто ты слишком увлеклась демонстрацией характера, вот и не заметила.

Она шагнула ко мне. Один шаг. Второй. Остановилась в полуметре, сверля взглядом.

— Ты хоть понимаешь, что здесь происходит? Меня продают, как кусок мяса, а ты...

— Тебя не продают, — я тоже поднялся, потому что сидеть, когда она стоит надо мной — значит проигрывать позицию. — Тебя инвестируют. Это не то же самое.

Мы стояли друг напротив друга. Сантиметров сорок, не больше. Я чувствовал запах ее духов — легкий, цитрусовый, с горьковатой нотой. Чувствовал, как дрожит воздух между нами от напряжения. И видел ее глаза — совсем близко, совсем ясно.

В них плескалась злость.

И еще что-то. То самое, что я заметил в коридоре, когда слушал ее крики. Жизнь. Настоящая, неподдельная жизнь, которой так не хватало в моем мире, состоящем только из цифр и сделок.

— Инвестируют? — она усмехнулась, но усмешка вышла кривой. — Ты серьезно? Ты правда думаешь, что я соглашусь на это?

— Мне плевать, согласишься ты или нет, — я пожал плечами. Честно. Без эмоций. — Твое согласие тут в принципе и не требуется. Есть подпись твоего отца, есть решение совета директоров. Остальное — детали.

Она побледнела.

Буквально — краска схлынула с лица, оставляя только острые скулы и побелевшие губы.

— Ты...

— Что я? — я наклонил голову, изучая ее реакцию. — Я реалист, Алиса. Твой отец пришел к моему на поклон. Не я к тебе, не мы к вам. Ваша компания — в жопе, если говорить прямо.

— Дамир... — отец попытался прервать меня, но я лишь слегка дёрнул головой.

— Без наших денег и связей вы рухнете через полгода-год. А с нами — будете жить и процветать. Цена вопроса — моя фамилия в твоём паспорте. Мелочь, по сути.

— Мелочь? — выдохнула она. — Мелочь?!

— Может, хватит? — я позволил себе легкую усмешку. Совсем легкую, почти незаметную. — У нас тут сделка, а не театр. Если хочешь играть — иди на сцену. А здесь — бизнес. Большой бизнес.

Она замахнулась.

Я заметил это движение за секунду до того, как оно произошло — по тому, как дрогнули ее плечи, как сжались кулаки, как расширились зрачки. Легко мог перехватить руку. Но не стал.

Пусть ударит.

Пусть выпустит пар.

Может, тогда быстрее успокоится и начнет думать головой.

Но она не ударила. Замерла в последний момент, сжимая и разжимая пальцы, тяжело дыша. Грудь вздымалась под дурацким глубоким вырезом, и я поймал себя на том, что смотрю туда, куда смотреть не должен.

Отвел взгляд. И опустил обратно в кресло.

— Садись, — повторил я, кивнув на соседнее. — Поговорим как взрослые люди.

— Я не буду с тобой говорить, — выдохнула она.

— А придется. Мы теперь будем видеться каждый день. Жить в одном доме. Спать в одной постели, если уж говорить прямо. Так что лучше привыкай сразу.

— Что? — она рассмеялась, но смех вышел нервным. — Ты спятил? Я скорее лягу в гроб, чем в постель с тобой.

— Это твой выбор, — я пожал плечами. — Контракт не обязывает тебя выполнять супружеские обязанности. Только жить под одной крышей и соблюдать приличия на публике.

Она моргнула, явно не ожидая такой уступки.

— То есть...

— То есть, — перебил я, — меня в тебе интересует только одно: твои мозги. Говорят, ты неплохо соображаешь в маркетинге. Это хорошо. Пригодится. А остальное... опционально.

— Неплохо соображаю? — она скрестила руки на груди, и это движение привлекло мое внимание снова. Блядь. — Я подняла ваш потенциальный рынок на двадцать процентов за полгода, если ты не в курсе.

— В курсе. Поэтому-то ты и здесь. Если бы ты была просто красивой куклой, отец нашел бы другую невесту. Подешевле и поговорчивее.

Я не врал. В досье были приложения — отчеты о ее работе, цифры, графики, промежуточные и итоговые результаты. Она действительно была умна. Действительно тащила свой отдел. И это единственное, что делало ситуацию более-менее приемлемой.

Она посмотрела на меня долгим взглядом. Изучающим. Будто пыталась понять, где здесь подвох.

— Тебя правда всё устраивает? — спросила она наконец. — И не бесит, что твою жизнь решают за тебя?

Я усмехнулся. По-настоящему, в первый раз за этот разговор.

— Милая, — сказал я, и это обращение вышло намеренно покровительственным, — моя жизнь никогда не была моей. Я родился с фамилией Корсаков. Это значит, что в три года меня учили играть в гольф с нужными людьми, в семь — читать финансовые отчеты, в двенадцать — врать так, чтобы детектор лжи молчал. К восемнадцати я понял, что личного пространства не существует. Есть только активы. Я — актив. Ты — актив. Мы соединяемся — получается сверхактив. Романтика? — я развел руками. — Ее нет. И не надо.

Она смотрела на меня во все глаза. Впервые с момента моего появления — без ненависти. С каким-то странным, почти болезненным любопытством.

— Ты... правда готов жениться на мне, даже не зная меня? — выпалила она. — Вот так, без любви? По приказу?

Я посмотрел на часы. "Patek Philippe", между прочим, отец подарил на защиту диплома. Символ того, что время — деньги. Что каждая секунда должна работать на результат.

— Готов, — ответил я коротко. — Ещё вопросы?

— Ты чудовище, — выдохнула она.

— Возможно. Ладно, если на этом всё... — я кивнул Ветрову и отцу. — Сергей Иванович, пап, я на днях пришлю проект договора. Алиса, — я повернулся к ней, — до встречи на подписании. Надеюсь, к тому времени ты научишься держать лицо.

И вышел, не оглядываясь.

Но в коридоре я остановился на секунду, прислонившись спиной к стене. Закрыв глаза. Выдохнул.

Внутри — странная смесь раздражения и... возбуждения? Нет, не того возбуждения, о котором можно подумать. Меня завела ее реакция. Ее огонь. Ее готовность биться до последнего. Я не встречал таких женщин. Все, кто оказывался рядом со мной, или боялись, или хотели чего-то. Денег, связей, статуса. А эта — ненавидела. Честно, открыто, без примеси корысти.

Это было... свежо.

Я усмехнулся своим мыслям и пошел к лифту.

Но стоило мне спуститься на парковку, как позвонил отец.

— Что думаешь? — спросил он без предисловий.

— О Ветровой? — я невольно пожал плечами, хотя он бы этого всё равно не увидел. — Стерва. Умная стерва. Так что будет непросто.

— Справишься?

— А у меня есть выбор?

Между нами повисла пауза. Именно так он обычно замолкал перед принятием тяжелых решений. Особенно перед сделками, которые могли либо взлететь, либо оставить нас без гроша.

— Ты можешь отказаться, — сказал он тихо. — Я найду другой способ.

— Какой? — усмехнулся я. — Продать «Восточные ресурсы» китайцам? Занять у государства под дикие проценты? Нет, пап. Мы это уже проходили. Ветров — единственный, кто даст нам выход на новый рынок. Без него мы навсегда застрянем на сырьевой игле.

— Значит, девушка — просто цена?

— Просто цена, — подтвердил я, садясь в машину. — Но красивая. Хоть какой-то приятный бонус от всего этого.

Отец хмыкнул, но ничего не сказал.

— Ладно, я поехал, — я захлопнул дверь и кивнул водителю.

— Ну давай. Звони, если что.

Машина вырулила с парковки, ныряя в московские пробки. Я спрятал телефон и уставился в окно. На серое небо, на стеклянные высоты, на бесконечные ряды машин. Хотя мысли постоянно возвращались к ней.

К Алисе.

К тому, как она побледнела, когда я сказал про постель. К тому, как дрожали ее руки. К тому, какие у нее глаза — светлые, почти прозрачные, как вода в горном озере. В них можно было утонуть, если позволить себе такую роскошь.

Но я не позволю.

Никогда.

Я снова достал телефон и набрал сообщение своему юристу:

«Готовь контракт. Пункт о раздельном проживании — обязательно. И штрафные санкции за отказ от публичных мероприятий. Она будет брыкаться, надо подстраховаться».

Ответ пришел через минуту:

«Сделаем».

Я убрал телефон и закрыл глаза.

Власть стоит этого спектакля. Власть стоит любой цены. Даже если эта цена — жизнь с женщиной, которая мечтает тебя убить.

Но где-то глубоко внутри, в той части меня, которую я давно похоронил под тоннами цинизма и расчетов, шевельнулось что-то странное. Предвкушение? Интерес? Желание?

Я не знал. И не хотел знать.

Потому что знать — значит признать, что она уже залезла ко мне в голову. А этого я допустить не мог.

Ни за что.

Машина неслась по городу, а я смотрел в окно и видел только одно — ее лицо.

Черт.

Это будет долгая игра.

Глава 3. Алиса

Неделя до подписания контракта превратилась в ад.

Я не спала. Не ела. Не могла усидеть на месте больше пятнадцати минут — подбрасывало, как от разряда тока, и я снова начинала мерить шагами квартиру. Кофе лился рекой. Четвёртая кружка? Пятая? Не помню. Помню только, как дрожали руки, когда насыпала зёрна в кофемашину.

От кофе. Или от злости.

Наверное, от злости, всё-таки.

Потому что стоило прикрыть веки — и я видела его. Смотревшего сквозь меня, как сквозь стекло. Будто я — предмет интерьера. Функция, которую нужно принять в расчёт, но не более того.

Дамир Корсаков.

Я произносила это имя вслух. Пробовала на языке. Снова и снова.

Дамир. Корсаков.

Звучало как название болезни. Как диагноз.

«Инвестиция».

Он назвал меня «инвестицией». Сидел в кабинете отца — расслабленный, уверенный, — и смотрел на меня с тем самым выражением: лёгкое любопытство, смешанное с абсолютным, непробиваемым безразличием. А потом сказал про фамилию.

Мелочь...

Я готова была убить его голыми руками. Прямо там. При свидетелях.

Но вместо этого ограничилась лишь оскорблением. И только потом — уже дома — выпустила весь пар. Через чашку. Ту самую, любимую, с ручной росписью. Она разлетелась на мелкие осколки, а я стояла над ними, тяжело дыша, и в голове была только одна мысль — это только начало.

— Алиса, ты меня слушаешь?

Я моргнула, возвращаясь в реальность. Напротив меня в кресле сидел Игорь — мой старый друг, а по совместительству лучший частный детектив в этом городе. И, кажется, единственный человек, которому я могла доверять.

— Слушаю. Продолжай.

Я соврала. Не слушала. Последние несколько минут так точно. Потому что на стене за его спиной всё ещё виднелся крошечный скол от той самой чашки. И я не могла оторвать от него глаз.

Игорь вздохнул. Отложил папку — толстую, с цветными закладками, — и потёр переносицу. Выглядел он почти как я (и это не комплимент): тени под глазами, щетина, помятый воротник. Мда.

— Я три дня копал, Алиса. Подключил всех. Даже тех, кого обычно не трогаю. Тех, кто мне должен. Тех, кто мне не должен. И знаешь, что?

— Что?

— Ничего.

Тишина.

Я смотрела на него. Он — на меня.

— В смысле — ничего?

— В прямом. У этого парня просто образцовая биография. Ни судимостей. Ни скандалов. Ни долгов. Ни тайных любовниц. Ни одной заваленной сделки. Университет — красный диплом. Первые проекты — не подкопаешься. Я проверял всё: налоговую, суды, даже закрытые базы. Пусто.

Он развёл руками.

— Либо он святой, либо...

— Либо у него такая служба безопасности, что вычищает всё раньше, чем ты успеваешь копнуть, — закончила я за него.

— Именно. Я склоняюсь ко второму.

Я откинулась на спинку стула и закрыла глаза. В висках стучало.

— Покажи, что есть, — сказала я, открывая глаза.

Он подвинул папку через стол. Тяжёлую. И я открыла.

Фотографии.

Много фотографий.

Дамир на переговорах в Лондоне. Идеально сидящий костюм — явно на заказ, причём не из последней коллекции. Лицо непроницаемое. Ни одной лишней эмоции. И только лёгкий наклон головы указывал на то, что он слушает.

Дамир на открытии завода в Сибири. Каска, рабочая куртка. Но даже в этом — хищник. Как волк, которого нарядили в овечью шкуру, но забыли предупредить, что он при этом должен выглядеть безобидно.

Дамир на светском приёме. Бокал в руке — виски, судя по цвету. Рядом — министр, которого я знала в лицо. Они о чём-то говорят, и министр — немолодой, седой, уже выдавший виды — смотрит на Корсакова с уважением. Не с подобострастием. Именно с уважением.

Тогда перешла к документам.

Цифры. Графики. Схемы владения. «Восточные ресурсы». Рост двести процентов за пять лет. Примерно с того момента, как Дамир вошёл в управление.

— Его боятся, — сказал Игорь. — Я говорил с теми, кто имел с ним дело. Ни одного плохого слова. Но все — ты понимаешь? — все отводили глаза. Знаешь этот взгляд, когда человек реально опасен?

— Знаю.

— Ну вот. О нём не говорят вслух. Мне сказали только, что «с Корсаковым лучше дружить». И всё. Точка.

Я перевернула ещё страницу. Потом ещё.

Пусто. Чисто. Стерильно.

Захлопнула папку. Подвинула обратно.

— Спасибо. Но... порой ещё. Мне нужно хоть что-то. Хоть какая-то зацепка. Слабость. Грешок. Всё, что угодно.

Игорь наклонился вперёд. Глаза — уставшие, но всё такие же цепкие.

— Алиса. Я знаю тебя достаточно давно. Колись, что происходит? Зачем он тебе?

— Прости, но... это слишком личное.

Он помолчал. Потом просто кивнул. Похоже, понял, что дальше расспрашивать будет бесполезно. Собрал вещи. Но у двери обернулся.

— Я продолжу копать. Но, Алиса... если он действительно так чист, как кажется, — это не просто так. За такой чистотой либо огромные деньги, либо огромные проблемы. И то, и другое — опасно.

— Я знаю.

И он ушёл. А я так и осталась на кухне, просто уставившись в окно. Город внизу жил своей жизнью — огни, машины, люди. Кому-то сейчас было весело. Кому-то — грустно. Кому-то — всё равно.

А мне было не по себе.

Я сжала кулаки.

Ничего. Я найду способ решения этой проблемы. Всегда нахожу.

Взяла телефон, и снова набрала Игоря.

— Да?

— Забудь пока про его бизнес и попробуй узнать про увлечения, зависимости. Не знаю... Но у каждого в шкафу есть хоть какой-то скелет.

— У него, походу, не шкаф, а стерильная операционная, — хмыкнул Игорь. — Ладно, понял. Сделаю.

— Спасибо.

— Ага. До скорого.

Я сбросила.

И тут поймала себя на том, что смотрю на выпавшую из папки Игоря фотографию.

Дамир на каком-то закрытом мероприятии. Стоит у бара. Один. В руке — бокал. Взгляд — прямо в объектив.

Причём смотрит так, будтознает, что кто-то будет рассматривать это фото.

Будто говорит: «Ну давай. Попробуй».

Я скомкала фотографию и выкинула.

После чего направилась сразу в спальню.

Однако, сколько бы не ворочалась, сон не шёл. Только глаза — зелёные, холодные — стояли перед внутренним взором.

И улыбка. Одними уголками губ, но говорящая больше, чем любые слова.

Два дня спустя я была готова лезть на стену.

Ничего.

Абсолютно ничего.

Игорь так и не смог ничего найти.

И даже когда я сама обзвонила всех, кого знала — партнёров отца, знакомых юристов, пару журналистов, которые специализировались на деловых расследованиях — никакого результата это не принесло.

Никто не хотел говорить о Корсаковых.

Либо не знали. Либо боялись.

В какой-то момент я заметила, что проверяю почту каждые пять минут. Что просыпаюсь среди ночи и тянусь к телефону — вдруг Игорь что-то прислал. Что прокручиваю в голове сценарии — один безумнее другого: срыв подписания, публичный скандал, побег из страны...

А потом — стоп.

Я сидела у окна с очередной кружкой кофе и вдруг поняла — я думаю о нём. Постоянно. Непрерывно. Причём не только как о враге. Не только как о цели.

А о нём самом.

О том, как он смотрел. Как говорил. Что говорил. Особенно про свою жизнь.

«Никогда не была моей»...

Чёрт.

Как же это тупо. И очень не вовремя.

Я тряхнула головой.

Всё. Хватит. Нужно проветриться.

И я даже знаю — с кем...

Катя ответила почти сразу. И явно очень обрадовалась. Всё-таки мы почти месяц не виделись — она моталась по командировкам, а я... я варилась в собственном аду.

— «La Marée»? — предложила она. — Давно там не были.

— А давай.

«La Marée» был из тех мест, куда ходят не за едой, а за статусом. Дорогой, полумрачный, с идеальной кухней и таким же идеальным обслуживанием. Официанты скользили между

столиками бесшумно, как тени, а гости говорили вполголоса, даже когда обсуждали какие-то пустяки. Здесь можно было очень легко исчезнуть. Раствориться в интерьере. И просто наблюдать за окружающими.

Катя уже ждала за столиком у окна. Загар, новые серьги — с бриллиантами, не меньше трёх каратов каждый, — довольная улыбка. Она всегда выглядела так, будто жизнь — это бесконечный отпуск, и мне это в ней безумно нравилось.

— Рассказывай! — потребовала она, едва я села.

— Дай хотя бы вина заказать.

— Вина! — она щёлкнула пальцами, подзывая официанта. — Или воды... Алиса, не сбивай меня! Ты вообще себя видела? Выглядишь как смерть. Давай рассказывай уже.

— Да погоди ты.

Когда подошёл официант, я сначала долго выбирала вино (Хотя, что кроме «Шабли»? Ну правда), а затем попыталась также схитрить с закусками, но у Кати уже кончилось терпение и она просто назвала первый же более-менее подходящий вариант.

Вот же ж...

Мне нужно было ещё время, чтобы придумать какой-то правдоподобный ответ.

Да, Катя моя лучшая подруга. Причём из тех, кто выслушает, не осудит и, если надо, даже труп поможет скрыть.

Но про брак по расчёту я не говорила никому.

Не знаю. Стыдно, наверно... Унизительно.

Просто, как объяснить, что тебя продали, как какую-то побрякушку, а ты только и можешь, что покорно согласиться?

— Работа, — ответила я. — Много работы.

— Врёшь.

Я подняла бровь.

— С чего ты взяла?

— Я тебя пятнадцать лет знаю. У тебя глаза горят, как у бешеной кошки. Это не работа. Это мужик.

— Господи, Кать...

— Что? Разве нет? — она прищурилась. — Ты так смотришь, только когда злишься на кого-то. Или хочешь кого-то. И обычно эти пункты совпадают.

Я рассмеялась. Причём — искренне, что даже для меня это оказалось неожиданностью. Катя умела разряжать обстановку. Может, поэтому именно ей я звонила в таких ситуациях...

— Допустим, — согласилась я. — Есть один... козёл.

— Козёл — это хорошо. Козлов интересно перевоспитывать.

— Этого не перевоспитать.

Она хотела что-то ответить, но официант принёс вино, и мы отвлеклись.

Я сделала глоток. Потом ещё один.

И вдруг — холодок по позвоночнику.

Чей-то взгляд. Знакомый взгляд.

Я знала это чувство. Кожа помнила его ещё с кабинета отца. Медленно, очень медленно, я подняла глаза и обвела зал.

Он сидел в углу. За столиком, который считался лучшим в ресторане: отдельная ниша с видом на весь зал, но при этом скрытая от чужих глаз. Я прошла мимо и даже не заметила.

Дамир Корсаков.

А напротив него — эффектная блондинка. Идеальная укладка, платье за несколько тысяч долларов, улыбка, отточенная до автоматизма. Она что-то заказывала официанту, ненадолго выпав из диалога. А он...

Он смотрел не на неё.

Он смотрел на меня.

Прямо. Открыто. С той же холодной усмешкой.

— Ты чего? — Катя обернулась. — Ох ты... Твой, что ли?

— Мой, — выдохнула я, и только потом поняла, как это прозвучало.

Катя присвистнула.

— Красивый, чёрт. И богатый, похоже. Так что не так-то?

— Всё не так, — сказала я, не отрывая взгляда от Дамира. — Это из-за него я не сплю третью неделю.

— А? Расскажешь?

— Потом.

Я смотрела на него. А он — на меня. И блондинка, заметив, что потеряла его внимание, тоже обернулась.

Плевать, что она подумает. Плевать.

Потому что внутри у меня закипала лава.

Он сидел здесь. В ресторане. С какой-то куклой. Пил вино. Улыбался.

А я... я не спала, не ела, доводила себя до ручки, пытаюсь найти на него управу.

А он просто жил свою жизнь. Как будто ничего не произошло. Как будто через два дня не станет моим мужем.

Мужем.

Это слово звучало как приговор.

— Знаешь что... — я встала.

— Алиса... — Катя схватила меня за руку. — Не делай глупостей.

— Я никогда не делаю глупостей.

Сказала — и сама себе не поверила.

Он не удивился, когда я подошла. Не вздрогнул, не напрягся. Просто поднял глаза и посмотрел с тем самым лёгким любопытством. Будто ждал. Знал, что я подойду.

— Алиса, — ровно сказал он. — Не ожидал тебя здесь увидеть.

— Врёшь, — бросила я, чувствуя, как адреналин разгоняет кровь. — Ты следил за мной с момента, как я вошла.

— Возможно.

Блондинка переводила взгляд с меня на него и обратно. Губы приоткрыла — явно собиралась что-то сказать, но Корсаков поднял ладонь, и она замерла. Как по команде.

— Мы знакомы, — пояснил он ей. — Это моя будущая жена.

У блондинки отвисла челюсть.

— Кто?..

— Жена. Через два дня, если быть точным.

Он повернулся ко мне.

— Присаживайся. Выпьешь с нами?

— Я не сяду с тобой за один стол.

Голос прозвучал громче, чем я планировала. Соседние столики начали оборачиваться. Кто-то отложил приборы. Ближайший официант застыл с подносом.

Я чувствовала их взгляды — любопытные, оценивающие, жадные до чужого скандала.

Плевать.

— Я хочу сказать тебе кое-что, — продолжила я. — Чтобы все слышали.

Он откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. И на мгновение в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Слушаю.

Вдох.

Выдох.

— Ты — ублюдок. Ты и твоя семья. Вы пользуетесь тем, что у моего отца проблемы, и шантажируете его. Заставляете меня выйти за тебя. Это отвратительно. Это... средневековье, какое-то.

Мой голос звенел, как натянутая струна.

— Ты думаешь, что можешь купить меня? Я. Не продаюсь. И я найду способ разрушить твои планы. Я найду на тебя управу. Ты пожалеешь, что вообще появился в моей жизни.

Вокруг воцарилась тишина.

Такая плотная, что, казалось, её можно резать ножом.

Весь ресторан замер. Блондинка вжалась в стул. Катя за моей спиной, кажется, вообще перестала дышать.

А он молчал.

Смотрел на меня спокойно, почти лениво.

И молчал.

А потом медленно, очень медленно, уголок его губ пополз вверх.

— Закончила? — спросил он.

— Что?

— Я спросил: ты закончила? Если нет — продолжай. У меня ещё есть немного времени. Я смотрела на него и не могла поверить. Он надо мной смеялся. Я выворачиваю душу наизнанку перед всем рестораном А он... сидит. И смеётся.

— Ты...

— Ладно, стоп, — перебил он. — Это было очень эмоционально. Очень, я бы даже сказал, театрально. Но, в целом, неплохо.

Он чуть склонил голову.

— Только есть одна проблема, Алиса. Унизить можно только того, кому есть что терять. А мне терять нечего. Кроме времени, которое ты сейчас тратишь впустую.

Я снова открыла рот. Но он продолжил — всё тем же ровным, спокойным голосом, от которого хотелось кричать.

— Ты сказала, что найдёшь на меня управу. Вперёд. Мои юристы будут рады пообщаться с твоим адвокатом. А по поводу шантажа... — он усмехнулся. — Твой отец пришёл к нам сам. Никто его не заставлял. Просто бизнес, Алиса. Жёсткий, взрослый бизнес. Тебе, с твоими... маркетинговыми играми, этого, наверное, не понять.

— Играми?! — я чуть не задохнулась. — Я подняла отдел на сорок процентов!

— Молодец, — кивнул он. — Похвально. А теперь представь, что будет, когда ты получишь доступ к реальным ресурсам. К деньгам. Связям. Ты сможешь гораздо больше.

Он подался вперёд.

— Или ты думаешь, что я женюсь на тебе просто так? Для красоты?

Я промолчала.

— Это не личное, Алиса. Просто. Бизнес. И чем быстрее ты это поймёшь, тем легче нам будет жить.

Не личное.

Бизнес.

Я смотрела на него и чувствовала, как земля уходит из-под ног. Он не злился. Не оправдывался. Не кричал в ответ. Он просто объяснял — спокойно, рационально, как ребёнку, — как устроен этот грёбанный мир.

И это было хуже любой ссоры.

— Я ненавижу тебя, — выдохнула я.

— Знаю, — кивнул он. — Но это пройдет.

— Никогда.

— Пройдет, — снисходительно повторил он. — Когда поймешь, что я — единственный, кто может дать тебе то, чего ты действительно хочешь.

— И чего же я хочу?

— Власти.

Всего одно слово. Простое. Но точное.

— Ты хочешь власти, Алиса. Так же, как и я. И мы получим её, но только вместе. А ненависть... — он пожал плечами. — Ненависть — это лишняя растрата энергии. Лучше перенаправь её на что-нибудь полезное.

Я молчала. Блондинка молчала. Весь ресторан, казалось, замолчал.

— Если на этом всё, можешь идти, — кивнул Дамир. — Хотя, стой.

Он вдруг жестом подозвал официанта. Взял у него ручку. Наклонился над столом и быстро написал что-то на салфетке — несколько цифр. И протянул мне.

— Мой личный номер. Если захочешь поговорить без свидетелей. Или если найдёшь ту самую... «управу». Буду рад обсудить.

Я посмотрела на салфетку. На его пальцы — длинные, с аккуратным маникюром. На часы — другие, но такие же дорогие. Очень дорогие.

И не взяла.

— Оставь себе.

— Как хочешь.

Он положил салфетку на стол. Потом достал бумажник и, вынув несколько купюр, положил сверху.

— Бери. Закажи себе что-нибудь.

Я перевела взгляд на деньги. На салфетку. На его лицо.

И внутри взорвалось.

— Пошёл ты, — процедила я.

Он усмехнулся

— Только вино допью.

Я развернулась и пошла обратно. Ноги не слушались. Пальцы дрожали. Сердце колотилось где-то в горле — громко, набатом. Я чувствовала взгляды всего ресторана. Они, наверно, думали, что я какая-то истеричка. Любовница, которую недавно бросили. Или просто сумасшедшая.

Плевать.

Катя смотрела на меня квадратными глазами.

— Ты... это было...

— Молчи, — выдохнула я, падая на стул. — Просто молчи.

— Но он...

— Молчи!

Я схватила бокал и осушила залпом. Но почти не почувствовала вкуса.

— Что он тебе дал? — тихо спросила Катя.

Я обернулась. Официант уже убирал салфетку и деньги. А Дамир продолжал смотреть в нашу сторону. А затем поднял бокал — как тост. Как будто мы просто мило побеседовали о погоде.

— Ничего, — ответила я. — Он дал мне понять, что я — идиотка.

— Ты не идиотка.

— Идиотка, — я закрыла лицо руками. — Полная идиотка. Я думала, что смогу его задеть. А он просто сидел и смотрел. Как на насекомое.

Катя помолчала. А потом тихо спросила:

— Если честно, кто он тебе?

Я подняла на неё глаза.

— Будущий муж.

Пауза.

Катя присвистнула и откинулась на спинку стула. В её глазах — ужас пополам с восхищением.

— Ну, дорогая, — протянула она. — Весёлая у тебя будет... семейная жизнь.

Я снова посмотрела в сторону Дамира. Он уже отвернулся и продолжил прерванный разговор с блондинкой. Весь из себя спокойный. Уверенный.

И вдруг — словно почувствовал мой взгляд — вновь перевёл на нас взгляд.

И улыбнулся.

После чего чуть заметно покачал головой. Как будто говорил: «Успокойся, глупышка».

Я отвернулась первой. И снова наполнила бокал.

Ублюдок.

Глава 4. Дамир

Телефон разрывался.

Я лежал с открытыми глазами и слушал, как он вибрирует — короткими, настырными толчками — по деревянной поверхности прикроватной тумбы. Шесть утра. Кому там неймётся?

Впрочем, какая разница. Я всё равно не спал.

Организм давно привык к четырём часам в сутки. Адреналин, кофе, сделки, перелёты — стандартный набор. Но сегодня причина была другая.

Сегодня я лежал и смотрел в потолок.

Белоснежная лепнина. Лепнина, мать её. Дизайнер сказал — классика, респектабельность, статус. Я согласился, потому что мне было плевать. Этот дом — триста квадратов в «Золотой миле» — никогда не был домом. Так, придаток к офису. Место, где можно рухнуть на пару часов между переговорами.

Но сейчас я смотрел на эту чёртову лепнину, а видел только её глаза.

Прищуренные. Острые. Горящие внутренним огнём.

То, как она вчера стояла надо мной — дрожа от ярости, сжимая кулаки, — и толкала свою речь... Громко. При всех. Чтобы услышал каждый.

Я усмехнулся. В тишине пустой спальни это вышло почти беззвучно.

Ненавидит. Это хорошо. Ненависть всё-таки лучше, чем равнодушие. Равнодушие — это смерть. А она живая. До дрожи. До искр. До пожара.

Интересно, сколько она продержится, прежде чем поймёт, что я — не враг?

Телефон снова завибрировал. Я наконец протянул руку и, взяв его, глянул на экран.

Вадим. Три сообщения. И голосовое?

— Дамир Игнатьевич, — голос в селекторе ожил одновременно с тем, как я открыл переписку. — Подъехал Вадим Сергеевич. Говорит, срочно.

Я хмыкнул. Если начальник службы безопасности решил зайти в гости, — значит, случилось что-то любопытное.

— Пусть заходит.

Накинув халат, я прошёл в кабинет — смежную комнату с панорамным окном и столом, который стоил как хорошая машина.

А уже через несколько секунд раздался стук. Коротко, сухо — костяшками по шпону.

— Проходи, — бросил я, садясь в кресло.

И он вошёл. Высокий, лысый, с лицом человека, который видел слишком много дерьма, чтобы теперь чему-либо удивляться. Бывший военный. Потом ФСБ. Потом частная практика. А теперь работает на меня. И пока что без серьёзных нареканий.

— Что случилось?

Вместо ответа он положил на стол тонкую папку.

— Ваша невеста активничает.

Я поднял бровь. Опустил взгляд на папку, но не взял.

— А конкретней?

— Наняла детектива. Игорь Власов. Частник, но довольно известный в узких кругах.

Вадим говорил ровно, без эмоций. Впрочем, как всегда в таких случаях.

— И сейчас он копает под вас. Биография, связи, сделки, личная жизнь. Поднял даже старые архивы, которые мы обычно не светим.

— И что? Нашёл что-то?

— Ничего. — Он позволил себе лёгкую усмешку. — Мы чисты.

— Мы всегда чисты, — поправил я. — А она... она просто проверяет границы.

— Слишком активно. Только вчера вечером трижды ему звонила. Требовала продолжать. Даже двойной гонорар пообещала.

Я наконец взял папку.

Там было несколько фотографий. И уже первая приковала к себе мой взгляд.

Алиса в кафе с каким-то мужчиной — исходя из ракурса, снято с соседнего столика. Она напряжена. Сжимает чашку так, словно хочет раздавить её. Напротив — Игорь Власов, судя по подписи. Разговаривают. Она хмурится. Он напряженно облокотился на стол.

Красивая. Даже на этих зернистых снимках — красивая.

— Она зла, — прокомментировал Вадим, тоже бросив взгляд на фото. — Очень зла. Такие, как она, в ярости могут совершать большие ошибки.

— Такие, как она? — я поднял глаза. — О чём ты?

— Привыкла к победам. Избалованная папина дочка. Никогда не заставляли делать то, чего не хочет. А тут — вынужденный брак. Да ещё и с вами. Наверняка сильно ударило по самолюбию.

Я смотрел на Вадима и молчал.

Вроде ж хорошо разбирается в людях. А тут...

Привыкла к победам? Да.

Избалованна? Ну, возможно.

Но папина дочка? Нет. Точно нет.

В её глазах было что-то другое. Голод. Тот самый голод, который не купишь за деньги. Не воспитаешь в тепличных условиях. Не подделаешь.

Она хотела большего. И ненавидела меня за то, что именно я был тем самым ключом, способным распахнуть перед ней все необходимые двери. А ещё за то, что я тоже это прекрасно понимаю.

— Оставь папку, — сказал я. — И продолжай наблюдать. Только аккуратно, не спугни.

— Понял.

Вадим вышел. А я остался сидеть над фотографиями. Она — в машине. Она — на улице. Она — у подъезда своего дома. Мои люди работали профессионально. Ни одного прокола.

Но чем дольше я смотрел, тем отчётливее понимал: мне плевать, что она копает.

Меня больше интересовало другое. Как далеко она готова зайти? Что сделает, когда поймёт, что проиграла? И сколько времени пройдёт, прежде чем ненависть в её глазах сменится чем-то другим?

Чем-то более... интересным.

Когда я приехал в офис, там уже ждала гора бумаг.

«Восточные ресурсы» не прощали простоев. Сделки, контракты, переговоры, бесконечные совещания — механизм работал без остановки, и я был одним из его ключевых узлов. Отключишься — всё встанет.

И я нырнул в работу с головой. Цифры, графики, отчёты. Думал — поможет. Думал — затянёт, отвлечёт, выключит тот голос в голове, который твердил о ней.

Не помогло.

К полудню я поймал себя на том, что стою у окна и рисую пальцем на стекле. Бессознательно. Как подросток на запотевшем окне маршрутки. И только через несколько секунд понял, что именно рисую.

Её профиль. Острые скулы. Тёмные волосы. Линия губ.

Чёрт.

Резко отдернул руку. Сжал пальцы в кулак.

Нет, так не пойдёт.

Нажал кнопку селектора.

— Кофе. Двойной эспрессо, пожалуйста. И пригласите отца, если он в здании. Нужно было подстраховаться по поводу частного.

Он уже и так наверняка всё знает. И лучше, чтобы не вмешивался.

Отец появился через полчаса. Вошёл, опираясь на трость, и тяжело опустился в кресло напротив. Сложил руки на набалдашнике. И уставился своим тяжёлым, ничего не упускающим взглядом.

— Вадим всё рассказал, — заявил он без предисловий. — Неймётся девчонке, да?

Я чуть прищурился.

— Ага.

Вадим рассказал. Ну-ну.

Надо будет сказать ему, кстати, несколько поубавить пыл ребятам с головной. А то никакой личной жизни.

— И?

— И что?

— Ты собираешься что-то делать?

Я откинулся в кресле, разглядывая его.

Стареет. Морщин с каждым годом всё больше. Да и седина уже не благородная, а просто старческая. Разве что трость... Он мог бы обходиться без неё, но держался за неё, как за символ власти.

И только глаза оставались прежними. Цепкие. Расчётливые. Внимательные.

— Пусть роет, — ответил я. — Ей нужно выпустить пар. Чем больше энергии потратит сейчас, тем быстрее успокоится.

— Или тем больше найдёт.

Отец прищурился.

— Что-то ты слишком расслабился с ней... Точно всё чисто?

— Абсолютно.

— Даже с теми... из ХМАО?

Я замер.

Всего на секунду, и отец вряд ли это заметил. Или сделал вид, что не заметил.

Но внутри кольнуло.

ХМАО. Пять лет назад.

Единственная сделка в моей жизни, которая действительно могла вызвать некоторые вопросы. Но... там, скорее, вопросы к совести. А её я давно уже похоронил.

— Всё чисто, — сказал я ровно. — Сам ведь знаешь.

Отец кивнул. С небольшой задержкой, но кивнул.

— Смотри, Дамир. Она — не как твои прежние куклы. Не хотелось бы, чтобы она что-то нашла.

— Не найдёт.

— А если найдёт?

Я невольно хмыкнул.

— Пусть. Это всё равно ей ничего не даст. С нашими-то связями...

— Связи связями... Но ведь есть и те, кто был бы рад... создать нам проблемы.

Я промолчал.

Он был прав. Врагов действительно хватало. И если Алиса объединится с ними — если найдёт нужную ниточку и потянет — может получиться некрасиво.

Но я не собирался этого допускать.

— Я контролирую ситуацию, — сказал я. — Скоро мы распишемся, и я сделаю так, что ей станет просто невыгодно мне вредить.

Отец усмехнулся.

— Уверен? Вряд ли получится её быстро приручить.

— А я и не собираюсь приручать. К ней нужен другой подход.

— Например?

— Дать то, чего она хочет на самом деле. Стать её полноценным партнёром. Сперва деловым, а потом... Потом посмотрим.

Отец посмотрел на меня долгим взглядом.

Я знал этот взгляд. Смесь сомнения, лёгкой насмешки и немного внутренней усталости.

— Ты влюбился в неё? — спросил он вдруг.

Я коротко рассмеялся.

— Влюбился? О чём ты? Ты же знаешь, мне главное результат. А она... Из неё получится хороший инструмент для достижения наших планов. Не более.

— Смотри, — он поднялся, опираясь на трость. — Инструменты иногда ломаются. А то и ранят хозяина.

— Не беспокойся. Я буду аккуратен.

Отец вышел. А я остался сидеть, глядя в одну точку.

Инструмент.

Я назвал её инструментом.

Но почему тогда я не могу выкинуть её из головы? Почему воспоминания о наших коротких, но эмоционально насыщенных встречах заставляют кровь быстрее бежать по венам?

Просто... она единственная, кто посмела со мной бороться. Не на равных, конечно — ей до этого ещё очень далеко, — но всё же.

И мне это нравилось.

Я хотел продолжения.

Хотелось увидеть, к чему приведёт эта война.

Война.

Какое интересное слово...

Ну, тогда добавим немного... эскалации.

Я перевёл взгляд на стол и снова нажал кнопку селектора.

— Соедините с юридическим отделом. И принесите проект брачного контракта.

Юристы постучались уже через десять минут.

Трое. Одни из лучших. Те, кто готовил этот контракт две недели. Теперь стояли перед моим столом в ожидании дальнейших указаний.

— Садитесь, — кивнул я. — Есть... кое-какие предложения по правкам.

Старший — седой, с лицом уставшего бульдога — осторожно подался вперёд.

— Какие именно, Дамир Игнатьевич?

— Верните раздел о совместном проживании. Но с дополнительным пунктом, что в случае отказа от исполнения супружеских обязанностей без медицинских показаний, последуют штрафные санкции.

Юрист озадаченно моргнул. Но записал.

— Размер?

— Крупный. Такой, чтобы... и мысли не возникло пренебречь этим требованием.

Он коротко кивнул. Но тут второй — помоложе, амбициозный — открыл рот.

— Это... довольно жёстко. Она может не подписать.

— Подпишет.

Я усмехнулся.

— Если понадобится, её отец подпишет за неё.

Юристы переглянулись. Но спорить не стали.

— Ещё что-то?

— Да. Пункт о неразглашении. Постарайтесь расширить до максимума. Чтобы она вообще ни с кем не могла обсуждать нашу личную жизнь, включая адвокатов, если на то не будет моего письменного разрешения.

— Это... сложно будет реализовать.

— Реализуйте. Придумайте что-нибудь. В общем... не мне вас учить.

Тишина. Потом почти синхронный кивок.

— Завтра к вечеру проект должен быть у меня. Всё. Свободны.

Когда дверь за ними закрылась, я встал из-за стола и подошёл к окну. Где-то там, в этой массе стекла и бетона, жила она. Наверняка сейчас тоже думала обо мне. Ненавидела. Искала способ уничтожить.

А я думал о том, как сделаю её своей.

Не сломаю — нет. Сломанные неинтересны.

Я сделаю так, что она сама захочет быть со мной. Сама придёт. Сама попросит.

Это будет долго. Сложно. Но результат стоит того.

Достал телефон и набрал Вадиму:

«Усиль наблюдение. Хочу знать о каждом её шаге. И подготовь людей на случай, если решит сбежать».

Ответ пришёл через минуту.

«Понял».

Я убрал телефон. И усмехнулся своему отражению.

Игра началась.

Два дня до подписания договора.

Два дня до того, как Алиса Ветрова сама подготовит почву для перевоплощения в Алису Корсакову.

Два дня.

Я оторвался от окна и вернулся к столу. Пора было работать. Но сперва...

Покопавшись в почте, нашёл контакт её отца. И отправил небольшое сообщение.

«Александр Викторович, добрый день. Напоминаю, что подписание через два дня. Документы готовы. Жду вас с Алисой в среду, в три часа. С уважением, Дамир Корсаков».

Вот теперь точно всё. Теперь она точно никуда не денется.

Алиса пока этого не понимала. Но скоро поймёт. Брак — не тюрьма. Брак — это рычаг. И тот, кто правильно его использует, получит всё.

И я собирался получить всё.

Включая её.

Глава 5. Алиса

День подписания наступил так же неумолимо, как похмелье после хорошей гулянки.

Я не спала всю ночь. Лежала в постели, смотрела в потолок и прокручивала в голове сотни сценариев того, как могла бы избежать этого дня. Сбежать в аэропорт и улететь куда-нибудь на Бали. Залечь на дно у подруги. Притвориться больной. Устроить скандал такой силы, что отец просто будет вынужден отозвать сделку.

Но реальность была слишком жестока: отец не испугается. Он уже сделал выбор. И этот выбор — не я.

В восемь утра приехала мать.

Я открыла дверь в халате, с опухшими глазами и злая как черт. Она же стояла на пороге — идеально уложенная, в костюме от Шанель — с лицом, которое не выражало ничего, кроме легкого неодобрения.

— Ты еще не готова? — спросила она вместо приветствия.

— Доброе утро, мама. Я вообще-то спала.

— Уже восемь. Подписание в одиннадцать. Тебе нужно привести себя в порядок.

— Я в порядке, — соврала я, отходя в сторону, чтобы впустить ее.

Мать прошла в гостиную, окинула взглядом мою квартиру — она бывала здесь редко, потому что считала, что я живу «недостойно фамилии Ветровых». Слишком мало пафоса, слишком много уюта. Для нее идеальный дом должен был напоминать музей.

— Кофе? — спросила я без особого энтузиазма.

— Лучше чай. Зеленый. Без сахара.

Я прошла на кухню, включила чайник и уставилась в окно. Москва просыпалась под серым небом, машины ползли по набережной, где-то внизу дворник сметал листву. Обычное утро. Обычный день. Только моя жизнь сегодня разделится на «до» и «после».

— Алиса, — мать появилась в дверях кухни, — нам нужно поговорить.

— О чем? — я достала чашки, не оборачиваясь. — О моём... очень удачном замужестве? Или как вы продали меня за долю в бизнесе?

— Не драматизируй.

— Я не драматизирую.

— Ты выходишь замуж за одного из самых богатых людей страны. У тебя будет все, о чем только можно мечтать.

— Кроме свободы, — я обернулась. — Кроме права выбирать. Кроме любви.

Мать посмотрела на меня долгим взглядом. В ее глазах мелькнуло что-то... сожаление? Тоска? Но длилось это секунду, а потом маска снова вернулась на место.

— Любовь приходит со временем, — сказала она ровно. — Я тоже не сразу полюбила твоего отца.

— В смысле?

— Мы поженились по договоренности. Наши родители дружили, это был хороший союз. Сначала мы просто терпели друг друга. Потом научились уважать. А потом... потом появилась ты, и все изменилось.

Я смотрела на мать и не верила своим ушам. Они с отцом всегда казались мне идеальной парой — вместе сорок лет, ни одного скандала, ни одной измены (насколько я знала). Я думала, они любили друг друга с юности.

— Ты никогда не рассказывала.

— А зачем? — мать пожала плечами. — Это наша история. Не твоя. Но сейчас я хочу, чтобы ты поняла: брак по расчету — не приговор. Это просто начало. А дальше все зависит только от вас.

Я молчала, переваривая информацию.

— Сейчас ты его ненавидишь, — продолжила мать. — Это нормально. Но постарайся дать ему шанс. Он не монстр, Алиса. Он просто человек, которого тоже никто не спрашивал.

Я хотела возразить, сказать, что она ничего не понимает, что Дамир Корсаков — ледяная глыба, у которой вместо сердца калькулятор. Но слова застряли в горле.

Потому что я вспомнила его взгляд в ресторане. То, как он смотрел на меня, когда я кипела от ярости. В этом взгляде действительно было что-то... настоящее.

— Чай готов, — сказала я вместо ответа. — Будешь?

В офис мы приехали минут за десять до начала.

Мать настояла на том, чтобы я надела «что-то приличное». В ее понимании это было синее платье-футляр длиной до колена, закрытое, строгое, с единственным украшением — тонкой ниткой жемчуга на шее. Волосы — в гладкий пучок, и минимальный макияж. И теперь в зеркале заднего вида отражалась женщина, которую я не узнавала. Чужая. Холодная. Идеальная.

— Всё правильно, — одобрила мать. — Корсаковы ценят сдержанность.

— Мне плевать, что они ценят.

— Алиса.

— Молчу.

Офис отца встретил нас стерильной тишиной. Секретарши провожали меня полными любопытства взглядами, — конечно, наверняка уже все всё знают. "Ветрова выходит за Корсакова", "Слияние империй", "Брак года". Я чувствовала эти взгляды кожей, но держала спину прямо и смотрела только перед собой.

Когда мы зашли в переговорную, все уже были на местах.

Огромный стол из тёмного дерева, десяток стульев, панорамные окна с видом на Сити. За столом — отец (мама села рядом) и его юристы, а напротив — Корсаковы.

Игнатий Корсаков сидел во главе стола с видом человека, который привык, что ему принадлежит всё, на что он смотрит. Рядом с ним — двое юристов в строгих костюмах. И чуть поодаль, откинувшись на спинку стула, с выражением легкой скуки на лице — Дамир.

На нем был идеально сидящий серый костюм, белая рубашка без галстука, но с расстегнутой верхней пуговицей. Он выглядел так, будто заскочил на подписание между встречей в спортзале и деловым обедом. Расслабленный. Уверенный. Абсолютно спокойный.

Увидев меня, он чуть приподнял бровь — жест, который я уже начала ненавидеть.

— Алиса, — кивнул он. — Ты вовремя. Ценю пунктуальность.

— Стараюсь не опаздывать на собственные похороны, — ответила я, садясь на стул напротив него.

Отец кашлянул.

— Давайте начнем. У всех плотный график.

Юристы зашуршали бумагами. На стол легли две стопки документов — каждая толщиной с хорошую книгу. Брачный контракт. Плод двухнедельной работы лучших умов юридических отделов двух империй.

— Мы подготовили финальную версию, — начал юрист отца, седой мужчина с очками на носу. — Прошу ознакомиться.

Я взяла свою копию и приступила к чтению.

Первые страницы — стандартные формулировки. Имена, даты, паспортные данные, подтверждение добровольности вступления в брак (я чуть не фыркнула на этом месте). Потом пошли имущественные вопросы. Раздельный режим собственности на то, что принадлежало каждому до брака. Совместная собственность на то, что будет приобретено после. Доли в объ-

единенной компании — двадцать пять на двадцать пять, переход управления после регистрации брака.

Я листала дальше, чувствуя, как внутри нарастает напряжение.

И вот оно.

Раздел 7. Условия совместного проживания.

Я вчиталась в формулировки, и кровь прилила к лицу.

«Супруги обязуются проживать совместно по адресу, определяемому мужем как основное место жительства семьи. Смена места жительства возможна только по взаимному согласию сторон».

Но дальше — ещё лучше.

«Супруги обязуются поддерживать отношения, соответствующие статусу мужа и жены, включая, но не ограничиваясь: совместное появление на публичных мероприятиях, ведение общего домашнего хозяйства, исполнение супружеских обязанностей в разумных пределах».

— В разумных пределах? — я подняла глаза от бумаги. — Что это за формулировка? Это же контракт, а не любовный роман.

Юрист отца заерзал.

— Это стандартная формулировка, Алиса Сергеевна. Она подразумевает...

— Я знаю, что она подразумевает, — перебила я. — Но она слишком размыта. Что значит «разумные пределы»? Кто их определяет?

— Обычно в случае спора этот вопрос решается в суде... — начал юрист, но я уже смотрела на Дамира.

Он улыбался. Едва заметно, но улыбался.

— Тебя что-то смущает? — спросил он невинно.

— Меня смущает формулировка, которая позволяет трактовать «супружеские обязанности» как угодно. Я хочу внести правку.

— Какую?

— Раздельные спальни. И пункт о том, что исполнение... этих самых обязанностей — дело добровольное и не может быть принудительным.

В переговорной повисла тишина.

Отец смотрел в стол. Игнатий Корсаков — на меня, но так, будто увидел интересный экспонат. Юристы замерли, не зная, как реагировать.

Дамир молчал. Секунду. Две. Три.

Потом медленно наклонил голову и посмотрел на меня — тем самым взглядом, который я уже успела выучить. Изучающим, чуть насмешливым. Словно видит меня насквозь.

— Раздельные спальни? — переспросил он. — Ты серьезно?

— Абсолютно.

— Зачем? Мы будем жить в одном доме. Спать в одном доме. Какая разница, в какой комнате?

— Разница есть, — отрезала я. — Я не собираюсь делить с тобой постель.

— Я и не предлагаю, — пожал он плечами. — Пока. Но контракт пишется на годы вперед.

Вдруг ты передумаешь?

— Не передумаю.

— Уверена?

— Абсолютно.

Дамир посмотрел на отца, потом на своего. Обменялся с ними какими-то взглядами, которых я не поняла.

— Хорошо, — сказал он вдруг. — Я согласен.

Я моргнула.

— Что?

— Я согласен на отдельные спальни. Это вполне разумно. Мы же почти не знаем друг друга. Так что да, пусть будет.

Я смотрела на него и не верила своим ушам. Он согласился? Так просто? Без боя? Это была ловушка. Должна была быть ловушка...

— Но, — продолжил Дамир, и внутри у меня все оборвалось, — если мы уже вносим правки, давайте внесем еще одну. Для симметрии.

Он кивнул своему юристу, и тот протянул мне дополнительный лист.

Я прочитала.

И почувствовала, как земля уходит из-под ног.

«В случае отказа одного из супругов от исполнения супружеских обязанностей без медицинских показаний, подтвержденных независимой экспертизой, другой супруг имеет право требовать компенсации в размере...»

Дальше шла сумма. Огромная. Астрономическая. Такая, что у меня перехватило дыхание.

— Это... это шантаж, — выдохнула я.

— Это справедливость, — поправил Дамир. — Ты хочешь отдельные спальни — пожалуйста. Я не против. Но если ты будешь использовать это, чтобы избегать меня, я должен иметь возможность защитить свои интересы.

— Какие интересы?! — я вскочила. — Речь идет о... о моем теле!

— Алиса, сядь, — тихо сказал отец.

— Нет! — я обернулась к нему. — Ты видишь это? Он пытается купить меня! Купить как... как шлюху!

— Алиса!

— Двадцать пять лет «Алиса»! — тут же огрызнулась я.

На мгновение повисла тишина.

— Никто тебя не покупает, — голос Дамира был спокойным, даже скучающим. — Я просто вношу предложение. Ты можешь его не принимать. Можешь вообще не подписывать контракт. Дверь открыта.

Я замерла.

Дверь открыта.

Но мы все знали, что это неправда. Дверь была закрыта с того самого момента, как отец пришел к Корсаковым на поклон. У меня не было выбора. Никакого.

Я снова посмотрела на отца. Он отвел глаза.

На мать. Она сидела с каменным лицом.

На Игнатия Корсакова. Тот изучал свои ногти с видом человека, которого вся эта сцена откровенно утомляет.

На Дамира.

И встретилась с его взглядом. В его глазах не было торжества. Не было злорадства. Только спокойное ожидание. Как будто он знал, что я подпишу. Знал с самого начала.

— Я ненавижу тебя, — сказала я тихо.

— Я помню, — кивнул он.

Я села.

Взяла ручку.

И начала подписывать каждый лист, каждую страницу, каждое проклятое приложение. Бумага шуршала под пальцами, чернила ложились ровными линиями, и с каждой подписью я чувствовала, как умирает часть меня.

Алиса Ветрова.

Алиса Ветрова.

Алиса Ветрова.

Когда я дошла до последнего листа — того самого, с пунктом о штрафных санкциях, — ручка замерла.

Дамир не сводил с меня взгляда.

— Смелее, — сказал он тихо, так, чтобы слышала только я. — Это всего лишь бумага.

— Которая решит мою жизнь.

— Твою жизнь решишь ты сама. А бумага — просто формальность.

Я посмотрела в его глаза. И заметила в них что-то, чего не смогла прочесть, как бы не пыталась. Обещание? Предупреждение?

И я подписала.

После чего мне тихонько сунули еще 5 скрепленных между собой листов.

— Доверенность на представителя, — хрипло шепнул один из юристов.

Как мило. Но хотя бы в ЗАГС с ним идти не придётся.

Не вчитываясь, я открыла последнюю страницу. Ручка ещё раз скрипнула, и легла на стол.

— Готово, — сказала я ровно.

Юристы засуетились, собирая документы. Отец выдохнул — я чётко услышала этот звук, хотя он и попытался сделать это тихо. Игнатий Корсаков кивнул с довольным видом.

А Дамир поднялся, обошел стол и остановился рядом со мной. Протянул руку.

— Добро пожаловать в семью, Алиса.

Я посмотрела на его ладонь. Широкою, с длинными пальцами.

Но не пожалала.

— Я еще не твоя семья, — ответила я. — Я твоя инвестиция. Помнишь?

Он усмехнулся.

— Помню. Но инвестиции иногда приносят такие дивиденды, о которых даже не мечтал.

Его кисть так и осталась висеть в воздухе. Я не взяла ее.

Он пожал плечами и, спрятав руку в карман, направился к выходу. Но у двери обернулся.

— Завтра в одиннадцать приедет машина. Поможет с переездом. И да... сбегать не рекомендую.

После чего он вышел.

Я смотрела на дверь и думала о том, что сейчас чувствую.

Злость? Да.

Унижение? Да.

Бессилие? Тоже.

Но где-то глубоко внутри, в самой тёмной части души, шевельнулось что-то еще. Что-то, чему я не хотела давать имени.

Предвкушение.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.